

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ ¹⁾.

Отъ Зайсана до Чугучака: Чиликтинская долина.—Курганы.—Кое-что изъ быта киргизъ.—Тарбогатай.—Чугучакъ.

Если вы пожелаете когда нибудь пробраться изъ Зайсана въ Чугучакъ, то воспользуйтесь прежде всего совѣтомъ: поѣзжайте верхомъ. Хотя вамъ будутъ говорить о томъ, что можно проѣхать и въ повозкѣ и будутъ указывать вамъ для этого вполне подходящій путь черезъ переваль Бурга-Сутай, но все же вы поѣзжайте верхомъ и, если вы ѣдете не по какимъ-нибудь вашимъ личнымъ дѣламъ, требующимъ отъ васъ срочнаго прибытія въ Чугучакъ, а путешествуете съ цѣлью ознакомленія съ мѣстностью и для изученія таковой въ разныхъ отношеніяхъ, то садитесь верхомъ и, поднявшись на Бурга-Сутай, полюбуйтесь съ его высоты чудной понарамой, а затѣмъ снова вернитесь назадъ и, слѣдуя вдоль сѣвернаго

¹⁾ См. № 7 «Воен. Сборн.».

склона Тарбагатай, перевалите черезъ таковой по приходу Сай-А-су, откуда вы доберетесь безъ труда до Бактовъ, а тамъ уже рукой подать и до Чугучака. Хотя этотъ путь и значительно длиннѣе пути черезъ Бурга-Сутай, но, еще разъ говорю: поѣзжайте по немъ, потому что вы больше увидите, изучите, почувствуете и т. д.—словомъ: больше выиграете во всѣхъ отношеніяхъ. Верхомъ же надо ѣхать потому, что въ повозкѣ черезъ переваль Сай-А-су, не проѣдете.

По выѣдѣ изъ Зайсана на протяженіи 6—7 верстъ, вы поѣдете по ровной мѣстности, слѣдуя на западъ у сѣверной подошвы Монрака, а затѣмъ, дойдя до лагеря войскъ зайсанскаго гарнизона, круто повернете на югъ и сразу втянетесь въ одно изъ скалистыхъ ущелій Монрака.

Хребетъ этотъ отходить въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Саурскаго массива и тянется не болѣе, какъ на 100 верстъ, сохраняя приблизительную параллельность съ Тарбагатаемъ. Не скажу, какъ высокъ этотъ хребетъ, но думаю, что высшая его точка едва ли возвышается болѣе, чѣмъ на 3 т. футъ надъ уровнемъ Зайсанской долины. Протяженіе этого хребта въ ширину доходить до 40 верстъ. Онъ лишень всякой растительности, очень скалистъ, угрюмъ и непривѣтливъ. Его молчаливыя ущелья лишены всякой жизни и движенія; они способны довести до головокруженія проѣзжающаго здѣсь путника, солнечной теплотой, отражаемой отъ ихъ голыхъ и безжизненныхъ скалъ.

Единственное мѣсто, гдѣ вы можете отдохнуть, путешествуя въ этихъ горахъ—это въ узкой долинѣ, называемой «Сазы», на берегу чуть струящагося ручья. Здѣсь обыкновенно останавливаются караваны, идущіе изъ Чугучака, и здѣсь почти всегда вы встрѣтите табунъ лошадей, верблюдовъ, или ословъ, пасущихся на скудно растущей здѣсь травѣ; встрѣтите погопщиковъ, хлопочущихъ около небольшого костра, который они развели изъ остатковъ валяющагося тутъ сухого помета и услышите человѣческой говоръ. Отдохнувши, вы снова втянитесь въ скалистыя отвѣсныя горы, которыя давятъ васъ и между которыми вверху вы видите узкую полоску синяго неба.

Но вотъ наконецъ вы миновали и «Сазы», миновали послѣднее скалистое ущелье и, поднявшись на послѣдній переваль, увидѣли передъ собою огромную пустынную долину—ровную, какъ столъ и упирающуюся противоположной своей окраиной въ далекій, подернутый синевою Тарбагатай. Вамъ хочется скорѣе спу-

ститься въ эту долину и ѣхать среди ея простора по твердой и гладкой, подобной велосипедному треку, дорогѣ.

Долина безмолвна и дремлетъ подѣ жгучими лучами солнца. Позади васъ уже синѣютъ причудливые, скалистые силуэты пройденнаго вами Монрака; къ югу—вдали потонули въ синеватомъ туманѣ массивы Тарбагатая. Но самая красивая панорама открылась на востокѣ. Тамъ виденъ Сауръ—высокій и скалистый, съ глубокими оврагами и пропастями, наполненными голубоватымъ душистымъ туманомъ. Воздухъ до того прозраченъ, что въ дѣйствительности видите слегка голубоватую среду, которая какъ бы налита во всѣ эти далекіе овраги и пропасти. На западѣ далеко-далеко чуть видны неясныя очертанія скаль. Это, такъ называемыя Терсъ-Айрыкскія ворота, черезъ которыя эта долина сообщается съ несравненно большей по размѣру Зайсанской долиной.

Чувство какой-то тихой грусти охватываетъ путника при вѣздѣ на эту безжизненную, безмолвную и величественно-прекрасную долину. Кругомъ распростерся ея необъятный просторъ, а вибрирующій въ солнечныхъ лучахъ океанъ прозрачнаго воздуха только одинъ въ состояніи напомнить вамъ о жизни и движеніи. Ни малѣйшаго шевеленія; кромѣ этихъ неуволимыхъ воздушныхъ вибрацій, ни малѣйшаго звука, который напомнилъ бы вамъ о возможности присутствія здѣсь живого существа. Все безмолвно, все тихо и все, какъ бы боится нарушить эту торжественную, вѣковую тишину.

Но что это? Вонъ далеко-далеко, на востокѣ у подножія Саура показались какія-то озера; видны чудные лѣса и рощи. И чудится невольно, что за ними скрыты какія-либо изящныя постройки, съ верандами и балконами дачнаго стиля. Эти рощи въ воображеніи представляются тѣнистыми парками, съ усыпанными пескомъ гладкими дорожками, ведущими къ этимъ отчетливо и ясно обрисовывающимся прудамъ, въ зеркальной поверхности которыхъ они такъ ясно отразились. Неужели же и на самомъ дѣлѣ сюда проникъ уже человѣкъ и успѣлъ уже насадить свою культуру! Но нѣтъ—это просто марево—миражъ. Вотъ онъ уже и исчезъ—потухъ, какъ потухаетъ тлѣющій въ степи одинокій огонекъ. И вмѣсто всѣхъ этихъ парковъ и прудовъ—снова безжизненная равнина, съ беззвучными вибраціями накаленнаго солнцемъ воздуха.

Голова тяжелѣетъ отъ зноя, и видъ безмолвной и прекрасной пустыни невольно уноситъ мысль въ глубину временъ. Вамъ хо-

чется узнать всё тайны, которая хранитъ въ себѣ эта красавица долина. Быть можетъ и здѣсь процвѣтала когда нибудь пастушеская и земледѣльческая культура, съ присущею имъ прелестью вѣчно прекрасной и юной идилліи; быть можетъ и здѣсь золотились когда-то богатыя нивы, зеленѣли роскошныя сады и зрѣли подѣ теплыми лучами сочныя плоды; въ безконечномъ просторѣ этой долины звучала пѣсня человѣческая, то тихая и грустная, то безконечно веселая. Всегда и во всё времена человѣкъ создавалъ и создаетъ пѣсню только подѣ вліяніемъ этихъ настроеній. Но теперь ничего этого нѣтъ. Видны только памятники сѣдой старины, видны только слѣды бывшей когда-то здѣсь жизни. По всей долинѣ разсѣяны эти памятники и они то главнымъ образомъ и заставляютъ вашу мысль углубляться въ отдаленность временъ.

Вотъ, въ сторонѣ отъ дороги, протянулась цѣпь какихъ-то холмовъ. Нѣкоторые изъ нихъ велики, нѣкоторые же возвышаются только сажени на двѣ надъ уровнемъ горизонта. Вы подѣзжаете ближе къ этимъ холмамъ, и вамъ начинаетъ казаться страннымъ, какимъ образомъ они могли образоваться на совершенно ровной поверхности, и невольно вы приходите къ заключенію, что холмы эти насыпаны рукою человѣка и что они-то и хранятъ въ своихъ нѣдрахъ какую-то тайну, которая, быть можетъ, еще невѣдома наукѣ. Да, это конечно искусственные холмы; это курганы.

Приходилось слышать, что нѣкоторые, видѣвшіе эти холмы, не считаютъ ихъ за курганы, а видятъ въ нихъ остатки когда-то бывшаго здѣсь горнаго хребта, который сгладило временемъ и отъ котораго остались одни ничтожныя холмики. Но, надо полагать, что такое мнѣніе абсолютно невѣрно и вотъ почему: во-первыхъ, эти холмы разсѣяны по всей площади долины, а мѣстами попадаются даже и за предѣлами таковой (на самой долинѣ всѣхъ ихъ насчитывается около двухъ тысячъ). Слѣдовательно, если бы это были остатки отъ горъ, то надо предположить, что таковыя должны были бы покрывать собою всю современную площадь долины; то тогда является вопросъ другого рода: почему же время успѣло окончательно разрушить именно эти горы и сохранило пока сосѣдніе съ ними Монракскій и Тарбагатайскій хребты. Эти послѣдніе хребты состоятъ почти исключительно изъ твердыхъ породъ и быть можетъ въ нихъ есть кристаллическія породы, въ которыхъ геологи откроютъ мощные лавовые потоки, низвергшіеся сюда въ глубокой древности съ Саура, который въ тѣ отдаленныя времена,

быть можетъ, потрясалъ окрестности и извергалъ изъ своихъ нѣдръ лаву и пепель, а слѣдовательно и тѣ горы, которыя когда-то были на мѣстѣ теперешней Гиликтинской долины и которыя теперь будто бы уничтожило неумолимое время. Они должны были также состоять изъ тѣхъ же твердыхъ породъ, изъ которыхъ состоятъ сосѣдніе съ ними Монракъ и Тарбагатай; въ такомъ случаѣ и эти брѣнные ихъ остатки, эти ничтожные холмы, представляющіе собою, такъ сказать, центры горныхъ массъ, также должны были бы состоять изъ твердыхъ породъ, чего на самомъ дѣлѣ ни въ одномъ изъ нихъ не усматривается. Словомъ, при всемъ желаніи не видѣть въ этихъ холмахъ искусственнаго образованія, приходится признать таковое и проникнуться къ нимъ въ силу этого чувствомъ глубокаго интереса. Приходится видѣть въ нихъ курганы, и по ихъ многочисленности и величинѣ судить о томъ, что тотъ народъ, который смогъ воздвигнуть эти памятники сѣдой старины, схоронивъ, вѣроятно, подъ ними останки своей культуры, достоинъ того, чтобы современные люди, занялись бы разгадкой тѣхъ тайнъ, которыя много лѣтъ были скрыты отъ взоровъ человѣчества и которыя въ археологическомъ отношеніи не могутъ не представить глубочайшаго интереса. Почему знать, быть можетъ, содержимое этихъ кургановъ въ состояніи наполнить страницы исторіи никому еще невѣдомымъ повѣствованіемъ и такимъ образомъ внести собою драгоценный вкладъ въ науку. Остается пожелать, чтобы кирка ученаго археолога поскорѣе бы сбросила таинственный покровъ со скрытаго въ этихъ мѣстахъ, въ нѣдрахъ земли сокровища.

Не представляютъ-ли собою эти курганы работы тѣхъ людей, которые когда-то, во времена переселенія народовъ, двигались огромными массами изъ Азіи въ Европу. Быть можетъ, въ тѣ времена эти народы пользовались вмѣстѣ съ прочими путями и долиною Иртыша, какъ наиболѣе доступнымъ проходомъ, ведущемъ изъ Азіи въ Европу, но зачѣмъ имъ понадобилось насыпать такое множество кургановъ и почему они насыпали ихъ главнымъ образомъ въ Чиликтинской долинѣ. Всѣ эти вопросы крайне интересны и полагаю разрѣшить ихъ невозможно.

Уровень Чиликтинской долины значительно превышаетъ собою уровень сосѣдней съ ней Зайсанской долины. Почва, которой покрыта 1-я изъ этихъ долинъ, почти всюду дресвяная, вслѣдствіе чего, надо полагать, что хлѣбопашество тутъ не можетъ процвѣтать. Къ тому же зимою тутъ бывають взрядныя стужи и вѣтры и эти послѣдніе очень

нерѣдко не даютъ возможности въ теченіи цѣлой зимы удержаться на землѣ снѣгу и, такимъ образомъ, почва, будучи лишена снѣжнаго покрова, сильно остываетъ и едва-ли при этихъ условіяхъ возможно произростаніе какихъ-нибудь озимыхъ хлѣбовъ.

Долина имѣетъ общій уклонъ съ востока на западъ и въ то же время она представляетъ собою видъ мелкой чашки; въ самой нижней ея части имѣются болота, которыя питаютъ вытекающую изъ этой долины рѣчку Канды-Су. Эта послѣдняя въ предѣлахъ долины течетъ въ низинѣ и болотистыхъ берегахъ, имѣетъ въ ширину около 3 сажень, но глубина ея очень значительна и мѣстами доходитъ до сажени; дно въ рѣчкѣ топкое и вязкое и теченіе слабое, но по выходѣ изъ долины паденіе рѣчки значительно увеличивается и она уже бѣжитъ по камнямъ, шумя и пѣнясь, и вода въ ней становится чистой и прозрачной.

Болота, питающія рѣчку, лѣтомъ обыкновенно пересыхаютъ, и вмѣсто нихъ остаются только огромныя заросли чіа, среди котораго вы можете ходить и ѣздить совершенно свободно; мѣстами только вы будете наткаться на огромныя ямы, наполненныя темной и зацвѣтшей болотной водой. Не подѣзжайте лучше къ этимъ ямамъ: онѣ могутъ засосать васъ своей прогнившей тиной: перспектива во всякомъ случаѣ не очень пріятная. Лѣтомъ, когда болота пересыхаютъ, рѣчка вѣроятно питается подземными ключами. Говорятъ что въ самой серединѣ долины есть небольшое соляное озеро, солью котораго пользуются киргизы. Берутъ они эту соль зимою потому, что лѣтомъ подѣхать къ озеру невозможно: засосетъ окружающее его и непросыхающее никогда болото.

Если вы будете пересѣкать долину въ направленіи съ сѣвера на югъ, то въ концѣ концовъ дорога приведетъ васъ къ подножію Тарбагатайскаго хребта. Въ этомъ мѣстѣ хребетъ сильно понижается и образуетъ собою огромную сѣдловину, которой и воспользовались для проложенія сноснаго каменнаго пути черезъ такъ называемый Бургасутайскій переваль, подъемъ на который не труденъ, въ виду чего не лишнее побывать на этомъ перевалѣ, тѣмъ болѣе, что на его вершинѣ проложена наша граница съ Китаемъ, стать на которой и посмотрѣть на чужую землю для cadaго, конечно, интересно.

Версты четыре всего на всего вамъ придется только подняться до высшей точки перевала, при чемъ первыя двѣ версты подъема (до нашего Кизеунскаго пограничнаго казачьяго поста)

почти незамѣтны. Если хотите, заѣзжайте на постъ; васъ всегда примутъ очень любезно сибирскіе казаки. Кстати вы полюбуетесь, какъ хозяйственно и умѣло обставилъ свой постъ живущій тутъ же есаулъ, начальникъ этого и другихъ постовъ линіи. Вамъ, если захотите, начальникъ поста дастъ провожатыхъ, а быть можетъ и самъ поѣдетъ съ вами на переваль, дабы еще разъ полюбоваться той, по истинѣ грандіозной панорамой, которая откроется передъ вами съ его высоты. Совершенно незамѣтно и безъ труда, вы поднимаетесь на сѣдловину перевала, и тутъ прежде всего передъ вами предстанетъ полуразвалившійся каменный пограничный столбъ. Если вы станете около этого столба и разставите ноги, то одна нога будетъ стоять на русской, а другая на китайской территоріи. Не правда-ли, заманчивое ощущеніе—быть одновременно въ двухъ государствахъ, и уже ради одного этого у васъ навѣрно явится желаніе подняться на Бурга-Сутай. Испытавъ это странное и своеобразное ощущеніе, осмотритесь кругомъ и вы будете поражены величіемъ открывшейся передъ вашими глазами панорамы. Прежде всего взоръ вашъ, конечно, обратится на югъ—къ сторонѣ Китая. У ногъ своихъ вы увидите какъ бы застывшія могучія волны; это вершины когда-то скалистыхъ горъ, которыя уже успѣло сгладить время и превратить ихъ въ волнообразные огромные холмы, которые, громоздясь другъ за другомъ внизу, очень напоминаютъ собою тотъ хаосъ, которымъ вы можете любоваться съ борта корабля, плывущаго по разъяреннымъ волнамъ океана; тамъ только эти волны движутся, ревуть и пѣнятся съ какой то бѣшенною энергіей, а здѣсь они застыли въ полномъ и вѣчномъ покоѣ. Быть можетъ это, такъ называемыя: «курчавыя скалы», и въ такомъ случаѣ остается заключить, что и здѣсь въ ледниковый періодъ ползли по склонамъ Тарбагатая мощные ледники, оставившіе неизгладимые въ теченіе тысячелѣтій слѣды своей разрушительной дѣятельности. За ними верстахъ въ 50 къ югу, подернутый фіолетовой мглой, уперся въ небо огромный кряжъ; это такъ называемый «Уркашаръ». Чуть сквозятъ сквозь мглу мрачныя ущелья и пропасти. Посмотрите на него въ бинокль, и онъ придвинется къ вамъ и станетъ еще болѣе грандіозенъ и мраченъ. Напрасно глазъ вашъ будетъ искать на его склонахъ признаковъ какого нибудь жилья; ихъ нѣтъ и всѣ склоны, долины и пропасти оцѣпенѣли въ неподвижномъ безмолвіи. Тяжелая свинцовая туча надвинулась на вершину кряжа и остановилась на ней, какъ-бы въ глубокой задум-

чивости, бросивъ отъ себя тѣнь, и вамъ начинаетъ казаться, что она остановилась надолго и не хочетъ двигаться дальше, потому что ей хорошо и легко на могучихъ вершинахъ, лежа на которыхъ она долго будетъ думать свою мрачную думу, а потомъ или заснетъ, упоенная тишиной и спокойствіемъ, или начнетъ лить на склоны горъ свои горькія слезы. За этимъ кряжемъ чуть обрисовывается другой—еще болѣе мощный: это огромный «Джайръ»—сынъ Ала-Тау. Его гребень уперся въ чистое и безоблачное, голубое небо, а самъ онъ, мало-по-малу уходитъ въ даль и теряется, сливаясь съ воздушными тонами безконечно далекаго горизонта. Онъ не идетъ на зовъ вашего бинокля и не показываетъ вамъ подробностей своихъ очертаній, своихъ долинъ, своихъ ущелій и пропастей. Вотъ, далеко далеко на юго-западъ, чуть виднѣтся ничтожный холмъ. На самомъ дѣлѣ это огромный, скалистый массивъ, близъ котораго находится наше пограничное укрѣпленіе Бахты, а въ 18 верстахъ отъ него и Китайская крѣпость Чугучакъ. Отсюда съ перевала не видно ни Бахты, ни Чугучака, потому что до нихъ около 150 верстъ.

Подъ вашими ногами распростерлась вся огромная Эмильская долина; вы знаете, что на ней живутъ люди, которые воздѣлываютъ свои поля, но отсюда съ перевала вы рѣшительно не въ состояніи замѣтить никакого движенія на ней; кажется, что кругомъ васъ все вымерло, и тишина дѣлается мало-по-малу на столько громкой (тишина можетъ быть громкой), что у васъ начинается звонъ въ ушахъ; вамъ дѣлается какъ то неловко и жутко отъ этого безмолвія и невольно вы оборачиваетесь назадъ, ища тамъ какихъ нибудь признаковъ жизни и движенія. Но, напрасно. Тамъ взоръ вашъ упадетъ на Чиликтинскую долину—на это кладбище жившаго когда то здѣсь человѣчества, которое, выполнивъ все назначенное ему Провидѣніемъ, спитъ вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ огромныхъ кургановъ. И чувство глубокой грусти охватитъ васъ при видѣ всего этого: здѣсь близкое соприкосновеніе съ какой то великой тайной, съ какимъ то неумолимымъ закономъ, которому подчиняется не только одинъ человѣкъ, но и все человѣчество въ массѣ. И ни одной черты изъ этого строгаго закона не въ состояніи исключить даже усилія милліардовъ людей, въ теченіи милліарда тысячелѣтій. Нѣтъ, лучше не думать объ этомъ величій, лучше любоваться дивной красотой природы, забывая, что и ей—этой, на первый только взглядъ вѣчной красотѣ, не избѣжать тѣхъ же стро-

гихъ и неумолимыхъ законовъ, которые уже испытали на себѣ всѣ эти спящіе подъ курганами мертвецы.

И все таки вы съ грустью покинете этотъ перевалъ, и заѣхавъ на обратномъ пути на казачій постъ, будете сидѣть въ юртѣ радушнаго и симпатичнаго есаула, который угоститъ васъ всѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ. Ёда не пойдетъ вамъ на умъ, и мысль ваша неволью время отъ времени будетъ возвращаться къ тому, о чемъ васъ заставила задуматься дивная красота и величіе всего того, чѣмъ вы любовались съ вершины Бурга-Сутая.

Проѣхавъ такимъ образомъ по долинкамъ въ направленіи съ сѣвера на югъ, поѣзжайте теперь по ней въ направленіи съ востока на западъ. Для этого вы можете воспользоваться очень хорошей дорогой, идущей вдоль рѣчки Конды-Су по лѣвому ея берегу и не въ далекомъ отъ нея разстояніи. Отворачиваетъ эта дорога отъ той, которая привела васъ на перевалъ Бурга-Сутай, близъ дома Чиликтинскаго волостнаго управленія — единственнаго жилого пункта на всей Чиликтинской долинкамъ. Въ этомъ домѣ живетъ писарь и его семья, и больше кругомъ никого нѣтъ.

Свернувъ въ этомъ новомъ направленіи, вы верстѣ съ десятокъ пробѣдете по гладкой, какъ столъ мѣстности; иногда дорога совершенно будетъ пропадать передъ вами, но не смущайтесь этимъ, а продолжайте держать западное направленіе; она, то снова появится, то снова исчезнетъ. Ёзды тутъ почти нѣтъ, и наторить дорогу некому. Мѣстами вамъ встрѣтятся вязкія и грязныя лужи, наполненныя застоявшейся, болотной водой; вы ихъ объѣзжайте, потому что можете ухнуть въ лужу и проститься съ бѣлымъ свѣтомъ. Наконецъ, дорога начинаетъ тянуться по едва замѣтнымъ склонамъ Терсъ-Айрыккаго хребта, который идетъ на короткое разстояніе параллельно Тарбагатаю и своими подножіями обрамляетъ болотистую неширокую долину р. Конды-Су. Между Тарбагатаемъ и Терсъ-Айрыкомъ образуется, такимъ образомъ, узкая и глубокая долина, по дну которой извивается горная рѣчка Терсъ-Айрыкъ, которая, пройдя съ десятокъ верстѣ въ направленіи съ запада на востокъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается Терсъ-Айрыкскій хребетъ, круто поворачиваетъ на сѣверъ и, пробѣжавъ еще верстѣ около десяти, сливается съ Конды-Су и подъ разными названіями (Джурга, Джеты-Ораль и др.) несетъ свои воды по направленію къ озеру Зайсанъ, но до него не доходитъ, потому что разбирается по многимъ арыкамъ, проведеннымъ на киргизскихъ пашняхъ. Итакъ,

когда, вы въѣхали на пологіе склоны Терсъ-Айрыка, то можете ѣхать совершенно спокойно, наблюдая окрестности и не обращая никакого вниманія на дорогу, потому что она на протяженіи около 20 верстъ ровная, чистая, гладкая и твердая, словомъ тотъ же велосипедный трекъ.

Жарко. Снова солнце подпекаетъ. Въ воздухѣ, перепархивая съ мѣста на мѣсто, мелькаютъ граціозныя кобылки: это родъ саранчи, бичъ здѣшнихъ землепашцевъ. Когда кобылка сидитъ на землѣ ее очень трудно замѣтить; такъ сливается ея окраска съ окраской почвы; ее только можно увидѣть, когда она стрекоча, взмахнетъ своими красными снизу крылышками и перелетитъ сажени на двѣ-на три въ сторону. На землѣ ползаютъ въ безчисленномъ множествѣ какія то огромныя и отвратительныя на видъ насѣкомыя: паукообразныя, съ длинными лапами, толстыми брюшками и съ необыкновенно длинными яйцекладами. Тѣло этихъ насѣкомыхъ достигаетъ иной разъ до вершка въ длину, а діаметръ его по брюшкѣ—около $\frac{3}{4}$ дюйма. Они безкрылы; быстро бѣгаютъ по землѣ и принадлежатъ, вѣроятно, къ семейству кузнечиковъ. Попадаются и пауки и между ними можно встрѣтить огромныхъ тарантуловъ. Фалангъ нѣтъ, хотя на сосѣднихъ съ этой долиной—Зайсанской и Эмельской есть и фланги, но Чикилинская долина расположена значительно выше этихъ двухъ долинъ, а въ особенности послѣдней и вѣроятно насѣкомое это, привыкшее къ безусловно жаркому климату, не выносить сильной стужи, которая бываетъ на Чиликтинской долинѣ зимой.

Рѣдко-рѣдко, когда въ сторонѣ отъ дороги вспорхнетъ испуганная маленькая птичка; зачирикаетъ она суетливо, сдѣлаетъ нѣсколько робкихъ взмаховъ своими крылышками, снова комочкомъ упадетъ въ рѣдкую траву и замолкнетъ. Величавыя дрофы монотонно расхаживаютъ цѣлыми стадами далеко въ сторонѣ. Онѣ кажутся такими флегматичными и равнодушными ко всему, что невольно является желаніе подойти къ нимъ и поближе съ ними познакомиться. Но если и на самомъ дѣлѣ они равнодушны ко всему, то исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ человѣкъ, ибо какъ только вы свернули съ дороги и направились къ нимъ, они уже приподняли свои головы и насторожились. Вы дѣлаете нѣсколько десятковъ осторожныхъ шаговъ въ ихъ сторону и замѣчаете уже, что вниманіе птицъ растетъ и растетъ съ каждымъ вашимъ шагомъ; они уже начали безпокойно двигаться, не спуская

съ васъ зоркаго взгляда; еще минута, нѣсколько тяжелыхъ взмаховъ огромными крыльями, и вы уже видите, что птицы плавно и величаво несутся отъ васъ по безконечному воздушному простору, постепенно исчезая изъ поля вашего зрѣнія. Кругомъ снова тихо и неподвижно. Тамъ и здѣсь видны какія то постройки, то квадратныя, то многоугольныя. Не дома ли это, думаете вы, глядя на нихъ издали. Да, дѣйствительно это дома, только не для живыхъ, а для мертвыхъ. Это киргизскія могилы. И всюду, куда вы не посмотрите, вы видите эти могилы—безмолвныя, стоящія среди такого же безмолвія. Глядя на эти могилы и на ихъ, иной разъ, причудливую архитектуру, вы убѣдитесь въ томъ, что если киргизское зодчество не примѣняется совершенно при возведеніи жилыхъ построекъ, то оно примѣняется въ полной степени при возведеніи этихъ могильныхъ сооруженій. Конечно, это пока еще только дѣтское, стоящее на первой ступени развитія зодчества, но какъ ни какъ, а это все таки зодчество.

Устройство могилъ самое разнообразное. Ничего неимущіе бѣдняки складываютъ надъ могилою просто кучу камней; люди побогаче окружаютъ могилу четырехугольной стѣнкой, сложенной изъ сырцоваго кирпича, устраивая на этихъ стѣнахъ башенки и выступы по угламъ. Въ этомъ уже виденъ до извѣстной степени трогательный намекъ хоть на какія нибудь украшенія: «мы ничего не могли придумать и создать, кромѣ этихъ скромныхъ стѣнокъ и украсили ихъ только этими башенками и этимъ мы сдѣлали все, что только могли, чтобы почтить память своего почившаго брата». Богатые киргизы сооружаютъ надъ могилою побольшей части восьмигранную башню, высотой сажени въ три. Наверху такая башня украшается зубцами и незамысловатыми рельефными узорами. Снаружи ее бѣлятъ известкой и въ степи такой мавзоль можно видѣть за нѣсколько верстъ и принять его за каменный домъ. Если вы приблизитесь къ такой башнѣ, то увидите небольшую дверь и навѣрно захотите тогда зайти во внутрь этой постройки и полюбопытствовать, что тамъ есть. Прежде всего васъ удивитъ чистота, которую вы въ большинствѣ случаевъ увидите внутри башни; внутренняя площадка тщательно выметена и выглажена; видно что порядокъ поддерживаетъ чья-то заботливая рука. Потолка нѣтъ и надъ вами небо. Стѣны бѣлыя и свѣту много. Въ одномъ изъ угловъ видна аккуратно отдѣланная и покрытая зеленымъ дерномъ могильная насыпь, огороженная деревянной и нерѣдко окрашенною рѣшет-

кой, совершенно такъ же, какъ у насъ на кладбищѣ и кажется, что вотъ-вотъ сегодня или завтра родственники усопшаго принесутъ сюда крестъ и поставятъ его на могилѣ. И они его непременно принесутъ и напишутъ на немъ: «Господи! упокой раба твоего». Крестъ этотъ уже изготовляется; онъ скоро будетъ готовъ. Тутъ же около другой стѣны сдѣлано изъ камней небольшое возвышеніе—вродѣ тахты. Зачѣмъ она тутъ устроена? Надо полагать, что для покойника: скучно ему одинокому лежать въ могилѣ; временами онъ выходитъ и прогуливается въ просторномъ помѣщеніи башни, а устанетъ гулять—присядетъ на приготовленное для этого мѣсто, отдохнетъ, потомъ опять погуляетъ и снова ляжетъ въ могилу и начнетъ думать свою одинокую думу.

Но если грустно смотрѣть на эти жилища мертвыхъ въ пустынѣ, то еще грустнѣе и тоскливѣ видѣть ихъ въ горахъ, среди какого нибудь мрачнаго ущелья, или среди встрѣтившейся небольшой лужайки. Выѣдешь на такую лужайку, сдавленную со всѣхъ сторонъ надвинувшимися на нее мрачными горами и непременно увидишь на ней либо одинокую, пріютившуюся здѣсь могилку, либо нѣсколько могилъ, сгруппированныхъ въ одномъ мѣстѣ. Кто здѣсь похороненъ? Конечно, какіе нибудь бѣдняки, потому что на могилкѣ навалены только груды камней и больше нѣтъ ничего. Нѣкоторыя изъ грудъ разворочены, и даже ямы на половину разрыты. Это звѣрь, вѣроятно, приходилъ сюда въ осеннюю ненастную ночь навѣщать покойника и, быть можетъ, только онъ одинъ и навѣщалъ его. И стоятъ эти жалкія могилки среди дикой пустыни. Лѣтомъ ихъ палитъ жаркое солнце, и протекающій по близости ручеекъ, булькая межъ камней, рассказываетъ мертвецамъ свою безконечную монотонную сказку, а зимой вѣтеръ, занося ихъ сугробами холоднаго снѣга, правитъ надъ ними, завывая, печальную тризну. Грустно близъ этихъ, заброшенныхъ въ пустынѣ мертвецовъ.

По всей площади огромной Чиликтинской долины, совмѣстно съ курганами, разбросаны и эти могилы. Это долина мертвыхъ. Рѣдко-рѣдко встрѣтится на пути живой человекъ, въ видѣ всадника. Онъ кажется сначала ничтожной точкой на далекомъ горизонтѣ. Вниманіе ваше сейчасъ же сосредоточивается въ этой точкѣ. Вотъ вы уже начинаете различать и всадника и его лошадь. Бодро тропотитъ она привычнымъ «проѣздомъ», потряхивая въ тактъ шага головой. До васъ доносится какой то протяжный вопль. Это пѣсня, которую затянулъ всадникъ. Пустыня и на него подѣйстви-

вала своимъ безконечнымъ просторомъ, и у него явилась потребность выразить свое настроеніе звукомъ пѣсни. Не радостные эти звуки; въ нихъ слышенъ вопль тоски и печали; слышенъ заунывный минорный тонъ восточной мелодіи. Вотъ онъ и замолкъ; присутствіе посторонняго человѣка отвлекло его вниманіе, и звуки пѣсни прервались сами собою. Глаза его смотрятъ на васъ недовѣрчиво; онъ даже какъ бы испуганно торопится уступить вамъ дорогу и бормочетъ на своемъ языкѣ привѣтствіе, стараясь въ тоже время поскорѣе разминуться съ вами. Отъѣдетъ онъ нѣсколько шаговъ, ожгетъ плетью своего коня и какъ вихрь умчится отъ васъ далеко-далеко, а тамъ на просторѣ снова затынетъ свою пѣсню, которая льется у него вѣроятно совершенно машинально, выражая въ звуки то настроеніе, которое онъ не въ состояніи выразить на словахъ. Наконецъ, вы миновали Чиликтинскую долину и проѣхавъ черезъ скалистыя Терсь-Айрыкскія ворота, вѣроятно, пробитыя бурлящей внизу рѣчкой Конды-Су, снова выѣзжаете на лежащую у подножія Тарбагатая Зайсанскую долину. Здѣсь прежде всего васъ удивитъ обиліе арыковъ, по которымъ течетъ отведенная изъ Конды-Су вода. Не мудрено, что эта рѣчка не доходитъ до озера, ея воды едва хватаетъ только для того, чтобы наполнить арычную сѣть. Многіе изъ киргизъ начали, слава Богу, заниматься земледѣліемъ, и не мало киргизскихъ пашень встрѣчается по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ, ниспадающихъ съ Тарбагатая. И всюду арычная система: безъ воды хлѣбъ здѣсь не родится. Сѣютъ пшеницу, овесъ и мѣстами просо. Пшеница, по словамъ киргизъ, даетъ нерѣдко самъ 25; овесъ и просо также рождаются очень хорошо. Къ сожалѣнію, киргизы почти совершенно еще не знакомы съ системою обработки полей, и запашки cadaго изъ нихъ невелики, такъ что хлѣба хватаетъ только для собственной потребности. Пусть не подумаетъ читатель, что киргизы ѣдятъ хлѣбъ въ томъ видѣ, въ какомъ и мы его ѣдимъ; они не умѣютъ печь хлѣбъ, и хотя очень любятъ и съ удовольствіемъ ѣдятъ печеный, но сами себѣ приготовить не могутъ. ѣдятъ же они свой собственный хлѣбъ просто зернами, которыя они сначала поджариваютъ слегка на сковородкѣ, и потомъ ѣдятъ эти зерна горстями. Не мудреное, кажется, дѣло—испечь хлѣбъ, а сколько времени нужно, чтобы человѣкъ постигнулъ и научился этой «премудрости».

Система обработки полей у киргизъ самая первобытная. Не всѣ хозяева имѣютъ самыя необходимыя земледѣльческія орудія, и сплошь и рядомъ, соха замѣняется деревяннымъ заостреннымъ об-

рубкомъ, которымъ пахарь взрыхляетъ землю, забирая въ глубину не болѣе, какъ на два вершка; борона также перѣдко замѣняется сучковатымъ небольшимъ деревомъ (тальникомъ). Срубить киргизъ такое дерево, подрѣжетъ слегка сучья, чтобы не очень гнулись, привяжетъ его къ лошади (большею частью къ хвосту), сядетъ самъ на лошадь и начнетъ колесить по своей пашнѣ съ такой импровизированной бороной. Смотрѣть на такую боронобу: и смѣхъ, и грѣхъ, и досада. Молотьба производится лошадьми, или быками. Благодаря такому способу земледѣлія, киргизскія поля наполовину заростають разными сорными травами, сквозь которыя все же видны тучные, золотистые колосья пшеницы; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти колосья были бы значительно тучнѣе и росли бы они значительно гуще, если бы для ихъ возвращенія былъ примѣненъ болѣе совершенный способъ обработки почвы.

Вотъ система орошенія полей у киргизъ находится на большой высотѣ, въ смыслѣ совершенства. Положительно, вы будете удивляться, глядя на арыки, если примете при этомъ во вниманіе, что арычная сѣть проведена безъ всякаго посредства какихъ-либо нивелировъ и прочихъ, тому подобныхъ усовершенствованныхъ инструментовъ и проведена она не учеными гидротехниками, а простыми безграмотными людьми, у которыхъ привычный и наметанный въ этомъ дѣлѣ глазъ замѣняетъ собою нивелиръ.

Л. Бѣльковичъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

